

ЕКАТЕРИНА МАЛОФЕЕВА

СУДЬБА-САДОВНИК

ПРОПОЛКА

Расплетая пряди сырой травы,
Проредить нетканое полотно.
Розмарин и вереск, паслён, ковыль —
Аромат созвучием сотни нот
В облака плывёт.

Так судьба-садовник гряды с людьми
Прополоть выходит, и каждый день
Стебли чьих-то душ покидают мир.
Сорный тёмный прах мелких слов и дел
Предают земле.

ОКТЯБРЬ

Я шепчу в никуда: “Немогузаберизабери”.
Этот мир мне велик — чей-то щедрый подарок на вырост,
Только давит в плечах сонный дом, душит ворот двери,
Но запаса тепла не хватает. Туманная сырость
Скользко вьётся, как шарф. Всё страшнее в толпе одному,

МАЛОФЕЕВА Екатерина Сергеевна родилась в городе Чита, поэт, технический и художественный переводчик. Публиковалась в изданиях “Байкал”, “45 параллель”, “Сибирские огни”, “День и ночь”, “Огни Кузбасса” и др. Лауреат Национальной молодёжной литературной премии Роскультицентра-2020, международного конкурса “45-й калибр”, участница лонг-листа Волошинского конкурса и премии “Лицей”. Готовится к выходу сборник стихотворений “Отделение патологии” в издательстве “Эксмо”. Живёт в Улан-Удэ. В журнале “Наш современник” публикуется впервые.

Неуютнее строем шагать на дневную повинность
Через пыль дождевую, дорог равнодушную муть
И рекламу ненужных вещей и отравы-на-вынос.
Паутинки мороза асфальт подо мной серебрят —
И серебряной лапой тревога скребёт в миокарде.

Это возраст, усталость, минутная боль октября
Или страшный симптом нездоровья душевного в карте?

ВРЕМЯ

Вползает мрак семи часов утра —
Январская звенящая отравы —
До крошки жар домашний обобрав,
Под кожу.
Слепо, голодно, шершаво
Лицо ощупал холод, не смотрю,
Как мотыльком дворовый снежный ангел
В грязи крылами бьётся.
Неуют
Оглаживает с бархатной изнанки
Души зальдевший кокон.
Стылый взгляд,
Завязший в сахарине чьих-то окон,
Погреть бы о стеклярусы гирлянд,
Но дверью скрипнул “пазик” кривобокий
И потащил меня сквозь сумрак и огни.

В стекле колодцы улиц холодели.
Проснулся город тюрем и больниц,
Казарм, промзон, складов и богаделен.
И серые заборы спецчастей —
Идиллия рождественских открыток.
Ложится на грунтованном холсте
Асфальта пылью и силикальцитом
Глубинки неизбывная печаль,

Бараки и погосты — побратимы.
И плесневеет мир, кровотока
иллюзией,
что время
обратимо.

ЗАКАТ

Лиловой дымкой тронет край небес
кисть Бога, акварелью предзакатной
Ведя по озеру дорожку-волнорез,
тропу к горам, на небо и обратно.
И полуночный растушует мрак
панельные квадраты спальных лого,
И улицы, притихнув до утра,
укроются колючим лёгким пледом,
И Сириус — блестящий четвертак —
зажжётся электродом звёздной сварки,
И выкатит созвездие Кота
клубок Луны на тёмно-синий бархат.

ПАМЯТЬ

*«Сорочьим сказкам» Алексея
Николаевича Толстого, любимой
книге моего детства, посвящается*

Непролазная топь и грязь.
Полдень облачён и лубочен,
Страшных сказок сорочья вязь заколдует и заморочит.
Заповедный сосновый бор в изумрудных объятьях стиснул
Обезлесевший островок усть-таёжного смерть-сибирска.

Легкокрылая стая снов, поговорок и суеверий
Разлетается из-под ног,
Воют в чаще слепые звери.
Седовласый угрюмый лунь в окна тёмные зорко смотрит,
Не боится икон в углу.
Не нарушит совиный окрик
Немудрёный крестьянский быт.

Шагу вторя тоскливым скрипом,
Кто-то ходит вокруг избы, отмеряет костыль из липы,
Сколько жить вам: “Скырлы-скырлы”... —

Остаётся совсем немного.
И корой со стволов гнилых объедается криворогий
Заплутавший анчутка, чар не страшась в дольном людем мире.
Выпевает свою печаль большегрудая птица Сирин,
Черти сеют траву Сандрит,
По-щелячьи скулят игоши,

Алой алицы серебри терем-храм по венцу порошей.
Прелый мох украдёт шаги,
Пряным духом плывёт багульник.
Подкрадутся — подстереги — дивенята. Эй, гули-гули,
Улетайте в своё гнездо.

Виснут плети плакучей ивы,
Покосившийся чёрный дом на русалок глядит с обрыва,
Безучастный привычный взгляд прикрывают ладони ставен.
Ночь приходит.
Костлявых лярв хоровод выступает навий.

Сгинет нечисть,
Умрёт тайга,
От огней городов отступит,

Но хранится под сердцем мгла,
Память древней,
Заветной жути.

* * *

Время — юркий, странный, смешной зверёк,
оглянёшься — мигом не устерёг,
сразу бег ускорит, разгон берёт,

и захочешь — не остановишь,
всё ладонью в спину — вперёд-вперёд,
свистом ветра вширь нарастает рёв,
раскалённым воздухом из метро,

да дыханьем ночных чудовищ.
а оступишься — бросит через бедро...
и вокруг темно, и в глазах пестро,
и минуты нет посчитать урон

нам под тиканье тока крови.
Кто на страже, взявший под козырёк,
перекрёсток судеб, прямых дорог
охраняет берега поперёк?

На причале не ошвартовишь.
Вот отпущен срок — для тебя сберёг.
Не меняй, дурёха, на блёстки грёз,
на прохладный блеск серебра серёг,

медицинскую сталь сокровищ.
Время сыплет бисер, творит добро,
из историй болью дубит шевро,
не квасцом, не хромом. Когда умрём,

мягко стелет нам в гроб обнову.
“Не просись назад”, — так пророк изрёк.
Время хитро смотрит, глядит остро,
не сжигать мостов, не гасить костров —

так стыдней, тяжелей, виновей.
Что с собой возьмёшь — то оно сожрёт,
подчистую выскребет всё нутро:
две потери, кухонный пьяный трёп,

да котомку чужих любовей.